

Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ,
действительный член Российской академии наук

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Период крутых общественных изменений, переживаемый нашим обществом с середины 1980-х годов, в течение первых нескольких лет носил название “перестройки”. После распада СССР и смены правящей элиты этот термин сначала уступил место “реформам”, а еще позже — “переходу” (без указания откуда — куда). И только в последние годы был найден термин, наиболее точно выражающий суть и особенности происходящего в России процесса — “социальная трансформация”. Наша цель — определить сущность социальной трансформации постсоциалистических обществ.

Под социальной трансформацией общества понимается обусловленное внешними факторами и (или) внутренней необходимостью ускоренное (происходящее в исторически краткие сроки) качественное изменение социальной природы или социального типа общества. Движущими силами этого процесса служат, с одной стороны, правящий слой с примыкающей к нему высшей бюрократией, а с другой, социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь — средних слоев. Социальная трансформация является, на наш взгляд, скорее стихийным, чем планируемым и управляемым процессом.

Главными чертами, отличающими “трансформацию” от “перестройки”, “перехода”, “реформ” и других сходных понятий, служат: 1) направленность на изменение не отдельных характеристик, а

сущностных черт, определяющих социальный тип общества; 2) существенная зависимость результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 3) неизбежность общественной анемии, вызываемой интенсивным разложением старых общественных институтов, опережающим создание новых; 4) снижение управляемости, усиление стихийных элементов общественного развития, обуславливающее возможность как ускоренного развития, так и деградации общества; 5) непредсказуемость окончательных результатов процесса. Сочетание этих признаков достаточно характерно для большинства постсоциалистических стран, и в первую очередь — для России.

Социальная трансформация (преобразование, перерождение) общества представляет собой гораздо более глубокий, сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование тех или иных институтов. Чтобы конкретизировать представление о сущности трансформационного процесса, необходимо определить: в изменении каких элементов или характеристик общества он проявляется, в чем выражаются его результаты и по каким критериям их можно оценивать.

Понятие «социальный тип общества» синонимично понятию «общественное устройство», эмпирическим референтом которого служит система общественных институтов. Исходя из этого, надо признать, что содержанием трансформационного процесса является качественное изменение институциональной структуры общества. Однако речь идет не о всей структуре, а лишь о нескольких наиболее важных институтах, качество и характер которых определяют тип данного общества. К числу таких институтов мы относим: власть, собственность, гражданское общество, права и свободы человека.

Оценить качество названных институтов можно с помощью соответствующих типологических показателей (таких, как прочность, демократичность и эффективность власти, развитость и защищенность частной собственности, многообразие структур гражданского общества, широта и надежность прав человека и проч.). Прямыми результатами социальной трансформации общества служат качественные сдвиги в типобразующих институтах, которые определенным образом соотносятся с потребностями общества. Здесь возможны разные ситуации: от полного или частичного совпадения до противоположности и антагонизма.

Но преобразования общественных институтов, сами по себе, служат довольно поверхностным показателем итогов социальной трансформации. Более глубинным (хотя, на первый взгляд, косвенным) результатом этого процесса является преобразование социально-групповой структуры общества. В этой связи необходимо заметить, что институциональная и социально-групповая структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные «проекции» более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества. При этом институциональная структура ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и потому более управляема, а социально-групповая структура, напротив, более скрыта, латентна, требует специальных методов изучения и не приемлет прямых мер управления.

Преобразовать социально-групповую структуру можно только через реформирование соответствующих институтов. Зато каждое серьезное изменение институтов сопровождается соответствующим сдвигом в социально-групповой структуре общества. В этом смысле институциональную структуру можно назвать «ведущей», а социально-групповую — «ведомой». Однако из сказанного не следует, что первая структура в каком-то смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения социальных итогов трансформации, положение скорее обратное: критериями их качества служат в первую очередь сдвиги в социально-групповой структуре.

Важнейшим типологическим качеством последней служит характер социальной стратификации, т. е. деления общества на иерархические слои, различающиеся уровнем социального статуса. Критериями стратификации индивидов и групп служат: политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый собственностью, доходами и благосостоянием; культурный потенциал, отражающий

уровень урбанизации, социализации, образования, профессионализма субъектов; а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые “оси” стратификационного пространства.

Характеристиками, на основе которых могут оцениваться качественные сдвиги в стратификации, служат изменения: а) общего типа стратификационной модели — от пирамидального, свойственного авторитарным обществам, до веретенообразного (с массивным средним слоем), типичного для современных западных обществ; б) степени дифференциации статусов общественных групп, социальной поляризации общества; в) сравнительной роли политического, экономического, культурного и социального потенциалов в определении интегрального статуса групп; г) конкретного социального содержания каждого из этих потенциалов; д) социально-демографического и качественного состава групп, занимающих высшее и низшее положения на стратификационной шкале; е) механизмов и интенсивности восходящей и нисходящей социальной мобильности, открытости “верхов” общества для выходцев из “низов”.

Наиболее глубинными характеристиками социальных итогов трансформации, на наш взгляд, являются направления социокультурных сдвигов, опосредуемых изменениями институциональной и социально-групповой структур. Именно они служат фундаментальным критерием оценки того, куда ведет трансформационный процесс — к процветанию и модернизации общества или к его деградации и упадку.

Движущими силами трансформации общества в той или иной мере являются все его структурные элементы. Однако формы, интенсивность и эффективность их участия в этом процессе различны. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) общественных групп определяются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, существенно зависящими от положения на стратификационной шкале; во-вторых, улучшением или ухудшением их статуса в последние годы (принадлежностью к “выигравшим” или “проигравшим”); в-третьих, особенностями социокультурных характеристик: ценностей, потребностей, взглядов и установок.

Систему социальных субъектов (классов, слоев, общественных движений, организаций), различающихся содержанием трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, можно назвать трансформационной структурой общества. Мы используем это понятие на правах гипотезы, в основе которой — предположение о том, что множество “проекций” социальной структуры, порождающих разнотипные субъекты трансформационной активности, взаимосвязано и при достаточном обобщении образует целостную макроструктуру, отражающую не что иное, как движущие силы трансформационного процесса.

В социальном механизме, регулирующем и направляющем этот процесс, социальная структура выполняет две противоположные функции. Действительно, улучшение или ухудшение качества этой структуры служит критерием результатов общественной трансформации. Но вместе с тем, ее качество определяет движущие силы трансформационного процесса, социально-инновационный потенциал общества, его способность к самореформированию. В действительности, однако, здесь нет противоречия, так как итоги каждого цикла трансформационного процесса становятся исходными условиями следующего цикла.

Тесную связанность стратификационной и трансформационной “проекций” социальной структуры вряд ли надо доказывать: структура трансформационной активности верхних и нижних социальных слоев различается очень резко. Но эта связь не является абсолютной, поскольку представители каждого слоя, в свою очередь, различаются мерой участия в трансформационном процессе и содержательной направленностью деятельности. В связи с этим представляется важным изучить особенности и оценить качество каждой из названных “проекций” социальной структуры, а также проанализировать их соотношение.

Необходимо также говорить, чем социальная трансформация общества отличается от таких употреблявшихся прежде понятий, как “развитие”, “перестройка”, “переход”, “реформирование”. Какие черты делают понятие “трансформация” более подходящим для современной России?

Общественное развитие представляет собой органический или близкий к органическому процесс, протекающий в исторически долгие сроки и базирующийся на заложенной в самом объекте типовой социогенетической программе. Развитие ведет к усложнению структуры и расширению функций объекта, то есть, как правило, носит прогрессивный характер.

Под “перестройкой” имеют в виду сознательно инициируемый исторически краткий процесс с ясно поставленной конечной целью, предполагающий лишь частичное изменение тех или иных элементов общества, не ведущее к сущностному преобразованию последнего. Движущей силой перестройки является сильный правящий слой, уверенный в своем положении и обладающий значительной полнотой власти.

Понятие “переход” не слишком удачно применительно к переменам, происходящим в постсоциалистических обществах. Оно предполагает, во-первых, четкое разделение общественных групп на “ведущих” и “ведомых”, во-вторых, ясное понимание “ведущими” группами как исходного положения, так и цели движения, в-третьих, наличие общественного согласия по вопросу об этой цели. Кроме того, понятие “переход” больше подходит к смене этапов экономической политики, технологического развития и прочее, то есть к частным элементам общественного развития, чем к изменению социзтального типа общества.

Целью “реформ” служит изменение таких характеристик общества (или отдельных сфер его жизнедеятельности), которые, будучи достаточно важными и глубокими, не затрагивают его природы или социзтального типа. Коллективный субъект этого процесса, как правило, ограничен “командой реформаторов”, в то время как активность остальной части общества ограничивается адаптацией к изменениям. Существенная черта реформаторской деятельности — наличие ясной цели, поэтапной программы действий, продуманного механизма внедрения инноваций.